

В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МИССИЯ РОССИИ И НОВЫЕ УСЛОВИЯ ДИАЛОГА В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Учитывая весь тысячелетний опыт русской истории, мы можем говорить об исторической культурной миссии России... Миссия России определяется тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты.

Д. Лихачев. Русская культура в современном мире

Осознание культурной и цивилизационной миссии России многим представляется очень простой задачей, поскольку ее легко спутать с задачами совершенно другого плана. И *первая задача* лежит в плоскости прогностической деятельности. Именно в ее рамках складывается представление о целях средне- и долгосрочного развития, которое с необходимостью обусловлено анализом политической конъюнктуры и геополитической ситуации. При этом, что особенно важно, мы опираемся на знания, в том числе на общедоступную и/или инсайдерскую информацию, о том, какие стратегии и программы уже приняты, реализуются или не реализуются, а какие программы могут быть приняты в обозримой перспективе.

Вторая задача связана с самим процессом стратегического планирования, то есть с теми же программами и проектами, которые включают, как правило, элементы альтернативного прогнозирования в контексте глобальных проблем.

¹ Председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор. Автор и соавтор многих научных открытий и изобретений, более 700 научных работ, в т. ч. 34 монографий, 14 книг: «Иммунофизиология», «Альфа-фетопротеин», «Иммунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека. Метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Физиолого-гигиеническая концепция спелео- и солелечения», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и др.; 2 руководства по изучению комбинированных радиационных поражений и по клинической иммунологии; 6 учебников; 11 учебных пособий для вузов. Президент Российского научного общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» ("Russian Journal of Immunology"), «Вестника Уральской медицинской академической науки», Вестника УрО РАН «Наука. Общество. Человек», «Иммунология Урала». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006) и премии Правительства РФ в области образования (2012). Почетный доктор СПбГУП.

² Профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ, государственный советник 3-го класса. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 20 монографий и учебных пособий: «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования»; «Колодцы мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам»; «Философия и методология политического планирования»; «Цивилизационное наследие славянского мира»; «Умная политика и культура планирования» и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия. Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единение». Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006).

Третья задача сводится к реконструкции истории и выведению на этой основе некоей «национальной идеи», созвучной устоявшимся представлениям (как в РФ, так и за ее пределами) о национальной истории и культурным традициям.

Большинство исследователей, впрочем, не различают эти разноплановые задачи, полагая, что заняты открытием (точнее, изобретением) некоей миссии, что приводит к постоянной подмене понятий, а в случае, когда такие опыты становятся востребованными при выработке государственной политики, — к грубым ошибкам стратегического характера. Примеров тому множество, в том числе и в российской истории.

Кроме того, во всех этих случаях обычно пользуются методом, который иногда называют нарративацией истории и который сводится, по сути, к попыткам подменить логически выстроенными историями-рассказами реальный срез исторического развития. При этом подлинная логика развития вряд ли нам доступна во всей полноте, а некритическое использование таких способов в исследовательской, аналитической, а тем более в политической работе порождает массу ошибок. И действительно, чем убедительнее покажется рассказ, тем выше риск принять за истину одну из возможных версий, показавшихся более достоверной среди прочих.

В этом смысле особый интерес представляет позиция Д. С. Лихачева, согласно которой миссия России во многом связана с той ролью, что играло Российское государство в культурном развитии и обеспечении безопасности народов, исторически связанных единой цивилизационной судьбой. При этом важно заметить, что осознание и обеспечение этой миссии — одна из самых сложных задач, поскольку нет, пожалуй, более политизированной темы, чем анализ феномена исторической предопределенности. Это вдвойне верно, когда речь идет о долгосрочном развитии народов. Причем именно цивилизационное измерение этой проблематики открывает дальние и сверхдальние временные горизонты прогнозирования и планирования.

Сама же попытка раскрыть логику становления и эволюции локальных цивилизаций как метаисторических общностей требует особой осторожности и по той причине, что даже самые жизнеспособные цивилизации, сохраняющие жизненную энергию в течение столетий и тысячелетий, смертны. А одна из причин их гибели — узурпация отдельными людьми или группами права предрешать судьбы народов и навязывание

вать им высший смысл существования, то есть подменять непреходящее преходящим, неконъюнктурное по своей сути — изменчивой конъюнктурой.

Такая «рационализация истории» и попытки «приватизировать будущее» не имеют ничего общего с логикой цивилизационного развития, хотя в соответствии с известной позицией А. Тойнби цивилизации возникают или гибнут в зависимости от того, способны ли «творческие меньшинства» найти способы разрешения кризисов эпохи¹.

Но предложение определенного пути разрешения кризисов — не то же самое, что «присвоение» цивилизационной миссии. Перефразируя Камю, можно сделать вывод: мы, по сути, отказываемся от самой миссии, когда передаем ее в руки доктринеров-истолкователей². Последние особо опасны для миссии, когда видят только себя в качестве ее самозванных «проводников», «носителей» и «толмачей».

Именно смена эпох вносит свои коррективы как в общую направленность взаимных контактов локальных цивилизаций и процессы общецивилизационного развития, так и в коллективную память и языки народов, фиксирующих эти изменения. Такая коррекция позволяет судить об адаптационном потенциале каждой из цивилизаций, о ее способности отвечать на глобальные проблемы (одним из возможных толкований этого феномена может служить концепция «вызова и ответа» А. Тойнби³). Решение проблем такого класса предполагает использование всего потенциала межцивилизационных контактов и связей, а не только возможностей отдельных стран-лидеров и межгосударственных союзов, что было характерно для эпохи модерна.

В связи с этим можно говорить о начале новой эры, которую иногда называют эрой межцивилизационного диалога, хотя это и не самое точное определение. Дело в том, что диалог является лишь одним из условий сотрудничества в рамках пока еще не сформированной общей стратегии, основанной на уважении к различным цивилизационным мирам. Не менее важные условия — очевидность тупика, в который заводит человеческое сообщество технологическая гонка (техноло-

¹ П. Бьюкенен, исследуя причины упадка западной цивилизации в книге с говорящим названием «На краю гибели», начинает анализ именно с этого тезиса А. Тойнби, делая акцент на деструктивной роли элит, не способных или не желающих подчинять конъюнктурные личные или групповые интересы логике исторического развития (см.: Бьюкенен П. На краю гибели. М.: АСТ, 2008. С. 8).

² Камю в книге «Бунтующий человек» говорил о миссии пролетариата и том, что именно социалисты авторитарного толка оказались первыми, кто отверг эту миссию, когда решили передать ее горстке доктринеров во имя ускорения истории, которая, по их мнению, движется чересчур медленно.

³ Как известно, данная концепция занимает особое место в цивилизационной теории Тойнби. Опираясь на эту концепцию, Бьюкенен, известный тем, что называет вещи своими именами даже в тех случаях, когда это нарушает принципы политкорректности, останавливается на трех смертельных угрозах (вызовах), способных сокрушить любую цивилизацию. Эти угрозы — депопуляция, культурная дезинтеграция и непротивление вторжениям (в том числе непротивление неконтролируемой миграции, изменяющей цивилизационный код всех ведущих стран современного мира). На этом основании Бьюкенен прогнозирует фазы распада западной цивилизации, который, по его мнению, можно воочию наблюдать в США, Великобритании и других странах Европы. Аналогичные тенденции он обнаруживает и в современной России.

гический прогресс отождествляется с *технологической цивилизацией*, унифицирующей многоцивилизационный мир и сопряженной с непоправимыми поломками планетарных социоприродных систем), а также выравнивание статуса участников диалога на основе признания самоценности локальных цивилизаций.

Осознанию этих тенденций (условий диалога) мы обязаны не постмодернистским теориям и школам, поскольку они не спровоцировали поиск новых решений, а лишь предложили свои варианты объяснения объективного процесса девальвации «больших рассказов» и «великих учений» (политических идеологий). Причина и не в демонтаже социальных систем, основанных на этих учениях, в том числе и в первую очередь — bipolarной геополитической системы. Все это важные факторы, не исключающие наличия главной причины: эра межцивилизационного диалога — закономерный и неизбежный итог восстановления статуса жизнеспособных локальных цивилизаций. Когда ослабли искусственные «идейные оболочки», разделявшие людей, семьи и нации по враждующим «лагерям» (лагерь социализма и лагерь капитализма), открылась подлинная, метаисторическая, то есть исторически непреходящая, социальная реальность — многоцивилизационный мир. Таким образом, цивилизационные миссии вновь приходят на смену идеологическим инверсиям.

Впрочем, роль «отдельных лиц» в эпохальных исторических преобразованиях, а следовательно, и в опосредованной коррекции цивилизационной миссии, трудно не заметить уже по той причине, что иногда наиболее значимые периоды в жизни общества носят имена выдающихся вождей и героев, мыслителей или творцов. Среди них наряду с «добрыми сеятелями» и просветителями есть представители армии «цивилизаторов», распространявших свою веру (религиозную и/или политическую) с мечом в руках, не оставляя камня на камне от культур и языков «варварских народов».

В качестве иллюстрации достаточно вспомнить устойчивые обороты речи, некоторые из них имеют отчетливую оценочную коннотацию. В связи с этим можно вспомнить о шекспировских и пушкинских временах, эпохах Петра Великого или королевы Виктории, временах царствования Екатерины II или сталинской эпохе. Однако все чаще на смену им приходят «сниженные» наименования, выбор которых продиктован популярностью субкультур, например музыкальных — от «эпохи Битлов» (в ее рамках выросла целая индустрия) до «эпохи Высоцкого» в России.

В наши дни смена эпох становится в какой-то степени управляемым процессом, что продиктовано как сменой технологических укладов (феномен информационного общества), так и коммерциализацией всех или почти всех сфер жизнедеятельности, в том числе и политической (большая политика — крупный бизнес). Подобная смена происходит уже не в течение столетий, а на глазах одного поколения.

При этом она сознательно ускоряется (провоцируется), находя свое отражение в массовом сознании, где уходящие и идущие им на смену эпохи все чаще ассо-

цируются с именами «падающих звезд» — кумиров поколений, благодаря чему становятся возможными межпоколенческая дифференциация и принудительная самоидентификация возрастных групп. Одно из следствий такого ускорения — перемещение укладов жизни из сферы многовековых традиций в область ком-

мерческих проектов. Другое следствие — дерзновенное стремление технологов от политики сделать предметом коммерции, товаром и саму цивилизационную миссию, поставив на поток «производство миссий»: новые миссии — новые потребности — новые спрос и предложение.